

Леонид Коваль

Юрмала, Латвия

МУДРОСТЬ И БОЛЬ МАРКА РАЗУМНОГО

Необходимое предисловие

Мудрость не обязательно приходит с годами. Мудрость прежде всего — дитя боли. И — доброты.

А разве писатель — не мудрец, в первую очередь?

Как оценить творчество писателя, прожившего в литературе более шестидесяти лет? Попробуем использовать два критерия: личность писателя и то, что пишет его творчество.

— Я стараюсь, чтобы мое творчество служило духовным мостом между вековой мудростью моего народа и современной жизнью, — говорил Марк Разумный¹. Я слушал его рассказ и понимал, что истинно национально то, что интернационально. Если Марк Разумный предлагает читателю почитать кое-что из еврейской жизни, он предлагает читателю познакомиться просто с жизнью. Поэтому что любая жизнь — еврейская или нееврейская — это человеческая жизнь. Можно написать из жизни французов так, что будут рыдать японцы. И наоборот — можно рассказать про японскую жизнь так, что обхохочутся французы.

Каждый народ — часть человечества.

Все, что нужно душе, нужно человеку. Как цветку, ему нужно немного солнца, немного дождя, с родного неба падающего на родную землю...

У Марка Разумного есть такая родная земля — Латвия.

Ему было два года, когда родители в 1898 г. переехали из литовского местечка Жагоры (Жагаре) в Ригу, и этот город стал подлинной родиной будущего писателя.

— Мой дед был раввином, — вспоминал Разумный. — И как каждый раввин мечтал видеть в этом сани и своего сына, моего отца. Поначалу мой отец стал шойхетом, т.е. резником, но когда окрестные евреи приносили к нему на заклание курицу или гуся, то при виде птичьей крови он падал в обморок... Такое у моего отца было сердце, такая душа... Кончилось тем, что он расстался с духовной карьерой и стал рабочим на мельнице. Все надежды на осуществление мечты деда мой отец возложил на меня — я учился в хедере, ешиботе, т.е. высшем учебном заведении, окончил еврейскую гимназию Ривоша в Риге... Но духовный сан моего деда так и не стал семейной традицией...

Юношу увлекли другие пути. В 1919 г. Марк уезжает в Германию, становится банковским клерком, а по вечерам слушает курс лекций по философии и эстетике в Гамбургском университете. В те годы молодой Марк Разумный познакомился и через всю жизнь пронес восхищение перед мыслью Баруха Спинозы, его свободомыслием, пантеизмом.

— Три тысячи лет исчисляет возникшая в странах Древнего Востока философская наука, — рассуждал Марк Абрамович. — И все время она выбирала в

приверженцы и оппоненты выдающиеся умы многих народов. Философия, как ни одна другая наука, вооружала творческим методом писателей. Писателя, не вооруженного определенным философским методом, не существует. За свою долгую писательскую жизнь я познал влияние разных философских концепций, они так или иначе нашли отражение в моих взглядах на литературу, человека, общественное устройство. Впрочем разве я исключение? Все, что выходит из-под нашего пера — в первую очередь летопись собственной жизни, и, если я хочу знать, каким я был шестьдесят, пятьдесят или сорок лет назад, я перечитываю свои книги того времени...

Начало его писательского пути относится к 1924 г., когда он вернулся в Ригу и стал работать в газете «Дос фолк» («Народ»). Потом его приняли разбездным корреспондентом в газету «Фриморгн» («Утренняя»), и он объехал полсвета — в том числе Европу и Америку, благо молодой писатель-журналист свободно владел немецким, английским, французским. Вскоре вышли его первые книги путевых очерков — «Один среди миллионов» и «Страна тысячекая». Американские и скандинавские зарисовки сменились близкой сердцу рижской жизнью в книге «Гинтергеслах» («Закоулки»). В ней уже четко проявились социальные взгляды писателя, его пристрастия к судьбе простого, маленького человека, заданного нуждой и беспорядком, сроднившегося с нищетой, как рыба с водой... Книга была конфискована под предлогом... порнографии. За нее вступился Лион Фейхтвангер, высоко оценивший острый наблюдательный взгляд автора. Потом, когда Марк Разумный перевел на еврейский язык «Еврея Зюсса», между знаменитым немецким романистом и начинающим литератором из Латвии завязалась длительная переписка.

Какой бы богатой и заинтересованной ни была литературная критика, как бы ни благоговел или, наоборот, оставался равнодушным к творчеству писателя читатель, — глубже и вернее способен оценить свое творчество сам писатель. Подлинный творец — это прежде всего вкус и самооценка, без которых создать стоящую вещь просто невозможно.

В этом можно было, кстати сказать, убедиться, прочитав письма Марка Разумного... к Марку Разумному, которые помещены в вышедшей в издательстве «Советский писатель» на еврейском языке книге юбиляра «А велт мит вундер» («Мир полон чудес»). Интересно, что думает человек и писатель о себе как человеке и писателе? Почитаем избранные места из них².

Первое письмо: к 75-летию со дня рождения

Мой дорогой друг!

Твоя метрика³ показывает, что тебе исполняется 75 лет. Поздравляю тебя с достижением такого солидного возраста, того возраста, который невольно вынуждает вспомнить нашу народную песню, начинающуюся словами: «Размеляйте же мне, прошу вас, четвертак...», потому что твоя жизнь, как любая человеческая жизнь, сегодня делится на три двадцатипятилетних периода... Я был свидетелем всех трех и всякий раз остро присматривался к тебе и видел тебя насквозь: видел тогда, когда ты по молодости считал триумфальными свои первые шаги по жизни, когда ты был убежден, что все ангелы играют неземные мелодии на золотых арфах только в твою честь... Не тогда ли ты и начал безжалостно транжирить свои годы? Ты был уверен, что они неисчерпаемы, так с какой стати их жалеть...

И только тогда, когда ты незаметно лишился первого четвертака и разменял второй, ты, может быть, впервые почувствовал вкус жизни. Тебя словно окатили бочкой холодной воды, и она несколько остудила твою горячую голову... Трезвее, однако, ты не стал и по-прежнему продолжал припеваючи разменивать свое состояние...

Пока не подкрался третий период, ставший синтезом первого, когда ты пребывал в розовых мечтах, и второго, когда на твои виски выпал первый снег...

И вот теперь, когда тебе предстоит разменять свой последний четвертак, может быть, ты, наконец, научился беречь и щадить каждый миг своей жизни?

Впрочем, живи, как сам понимаешь. Я знаю, что ты упрямый еврей и переубедить тебя невозможно. Но об одном прошу тебя, прошу со слезами на глазах: когда ты оглянешься на прожитые годы, не оплакивай их! Вспомни их по-доброму, радостно — они прошли не напрасно. Вспомни их с благодарностью — они дали тебе счастье творчества!

Марк Разумный. 24 сентября 1971 г. Рига.

Письмо второе: к 80-летию со дня рождения

Дорогой друг!

Сегодня тебе исполняется 80 лет. И я снова пишу тебе письмо. Я воспользуюсь подходящим случаем, чтобы еще раз поговорить с тобой начистоту о твоей жизни и творчестве. И то, и другое мне хорошо известно. Кто еще так хорошо знает тебя, как я? Правда, найдутся такие, которые скажут, что знают тебя лучше: пара женщин, пара друзей и пара врагов... Но кто из них провел с тобой все твои годы, как я?.. Не жди от меня слащавых юбилейных речей — я буду откровенен и нелицеприятен... Восемьдесят лет — такой возраст, когда человек, тем более человек творческий, обязан подвести итог сделанного, оглянуться и подумать, откуда и куда он пришел, как жил, о чем писал...

Я хочу тебе напомнить, как тяжело мы оба пережили неудачу твоей первой книги новелл *«Аранеа»*, увидевшей свет в далеком 1924 г. <...> Но если бы ты начал с удачи, кто знает, чем бы все это кончилось...

К счастью, ты вовремя понял, чем отличаются подлинные ценности от мнимых, и отправился в самое главное свое путешествие — в страну богатейшего культурного наследия своего народа. И это путешествие, которое прекрасно тем, что бесконечно, обогатило твою душу, твой ум, твою духовность, и ты нашел свой метод, свой взгляд, свой жанр — новеллеты. Почему именно новеллеты? Как еврейский писатель ты взял на вооружение эту лапидарную форму потому, что она была излюбленной и традиционной в древней и средневековой еврейской литературе. Этот жанр получил права гражданства тысячи лет назад, ибо удивительным образом точно выражает еврейский национальный характер, еврейскую душу. Этот жанр дает себя знать во внешне спокойном, богатом внутренней страстью стиле Библии, в которой нашли яркое воплощение истоки еврейском нравственности; в сверкающих лукавством нравоучениях нашего древнего мудреца Бен-Сиры⁴; в дышащих иронией строках средневекового еврейского поэта раввина Иммануила Римского⁵; в творчестве еврейских поэтов и философов «золотого периода» испанского Ренессанса и других памятниках еврейской культуры. Басни, притчи, новеллеты того далекого времени вмещали широкую гамму черт человеческого характера, взаимоотношения людей, отражали подлинные нравственные высоты и темные подвалы человеческой души... Кратким, метким словом прославлялось добро, каралось зло... Одним словом, тебе было откуда черпать, тебе

оставалось только обогатить наследие многокрасочной, многожанровой современной жизнью, психологией и мироощущением твоих современников...

Если ты, прочитав мое письмо, воскликнешь: «Да, он знает меня лучше меня самого!» — то моя цель будет достигнута...

Твой дорогой *Марк Разумный*. 24 сентября 1976 г. Рига.

Третье письмо: к 85-летию со дня рождения

Мой дорогой друг!

...Поздравляя тебя, хочу поделиться с тобой некоторыми мыслями, что родились у меня в связи с твоим почтенным возрастом... Если эти мысли тебя самого вдруг вдохновят написать кое-что на эту тему, то я не буду возражать — пиши на здоровье! Но об одном непременно условии хочу тебе напомнить: не забудь называть имя того, кто первым высказал эту мысль, ибо сказано: кто говорит слово, назвав имя произнесшего его, тот приносит в мир свет освобождения. Ты ведь сам некогда учил Талмуд и, наверное, помнишь, что эта мудрость неоднократно повторяется в наших ученых книгах, в том числе и в «Свитке Эсфири»... Я вдруг подумал, что наши древние мудрецы, выражаясь современным языком, никогда не одобряли плагиат и еще две тысячи лет назад недвусмысленно отстаивали неприкосновенность авторских прав...

После такого краткого вступления поговорим вот о чем. Известно, что все в нашей жизни связано с понятием «время». Время — это прошлое, настоящее и будущее. Оно, время, в любой своей форме всегда с нами, вокруг нас, в нас. Время, этот постоянный спутник, я бы даже сказал, наш компаньон по жизни, одновременно наш самый большой недруг, можно сказать точнее — враг. Враг, который сжигает нас дотла! Изменить тут ничего нельзя, и мы вынуждены заключить со временем мир и шагать с ним рука об руку. Пока не настает день, когда оно набрасывает на нас залатанный халат старости. Можем ли мы найти в себе силы и мужество в этом, казалось бы, безвыходном положении? Давайте поищем его в направлении того нашего седобородого мудреца, который на вопрос: «Сколько тебе лет?» — ответил: «Я сам не знаю, сколько мне лет. Потому что я молод, как все мои мечты и надежды, и я стар, как все мои несбывшиеся мечты и надежды...»

И поскольку один раз в жизни исполняется 85 лет — второй раз такой радости нам враг время нам не доставит! — с ловкостью юноши взберись на вершину горы из прожитых лет и оглянись, и перед тобой откроется дорога твоей жизни, по которой ты шел как простой еврей, а последние шестьдесят лет — как еврейский писатель... И тогда ты вспомнишь все, что тебе довелось пережить и через что пройти, что снова переболеешь всеми болями своего народа и дашь клятву идти той же дорогой и остаток дней своих, не напомнит ли тебе эта светлая дорога, требующая огромного терпения, вдохновенный рассказ твоей незабвенной мамы, услышанный тобою в детстве... Помнишь, мама рассказывала тебе о бумажном мосте, через который идут праведники и который на поверку оказывается прочнее железных мостов, по которым нахально следуют злые и неправые...

P. S. Нам обоим я желаю, чтобы мы заслужили чести — я писать, а ты получить от меня дружеское письмо к 90-летнему юбилею, который вот-вот, всего через каких-нибудь пять лет наступит. Я думаю, что эту услугу нам окажет наш враг время, который при определенных условиях может оказаться и большим другом...

Марк Разумный. 24 сентября 1981 г. Рига.

Письмо четвертое,
или Само собой напрашивающееся послесловие

Глубокоуважаемый Марк Абрамович!

Для меня — большая честь писать Вам это письмо в день Вашего 90-летия. Беседы с Вами доставили мне огромное удовольствие — они, среди прочего, еще раз убедили меня в том, что, выражаясь словами Виктора Розова, писатель не должен быть догматиком ни в какой сфере жизни. Но, честно говоря, самое сильное впечатление на меня произвели Ваши рассуждения об интернационализме. Вы говорили:

— Мои родители с детства внушили мне простую и прекрасную мысль: нет хороших и плохих народов (если кто-то пытается эту истину опровергнуть, дело доходит до погромов, как это было при царизме, до геноцида, как это было при Гитлере)... Каждый человек имеет право сказать: мой народ такой же, как все другие народы — не выше, но и не ниже. Национальное достоинство и национализм — вещи разные. Нет высших и низших рас. Человечеству слишком дорого обошлась выдуманная ничтожным ефрейтором расовая теория...

Вы вспомнили, Марк Абрамович, свою работу в годы войны в газете «Эйникайт» («Единение»)⁶, издававшейся Еврейским антифашистским комитетом, членом которого Вы состояли (возглавлял его гений еврейского театра, замечательный общественный деятель, народный артист СССР Соломон Михоэлс). В «Эйникайт» были помещены пронзительные строки Юлиана Тувима⁷ — их помещали в наших листовках, их привел в своей книге «Люди. Годы. Жизнь» Илья Эренбург⁸. Вы вспомнили эти строки...

«Вы считаете себя поляком, — сказали Юлиану Тувиму. — Но если вы поляк, то почему вы пишете — “Мы — евреи”?»

— Из-за крови, — ответил Тувим.

— Стало быть, расизм?

— Нет, — ответил поэт, — отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двойная кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Кровь евреев (не еврейская кровь) течет глубокими широкими ручьями, почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку, и в этом новом Иордане я принимаю святое крещение — кровавое, горячее, мученическое братство с евреями... Мы, Шлоймы, Срули, Мойшки, пархатые, чесночные, мы со множеством обидных прозвищ, мы показали себя достойными Ахиллов, Ричардов Львиное Сердце и прочих героев. Мы в катакомбах и бункерах Варшавы, в зловонных трубах канализации дивили наших соседей крысы. Мы с ружьями на баррикадах, мы под самолетами, которые бомбили наши убогие дома, мы были солдатами свободы и чести. Арончик, что же ты не на фронте? Он был на фронте, милостивые паны, и он погиб за Польшу...»

Это было сказано в 1944 году.

Благодаря Вам еврейский читатель смог прочитать на родном языке романы Лиона Фейхтвангера и Ремарка, «Детство Тёмы» Н. Гарина и других авторов.

Вы многое вспомнили во время наших бесед. С грустной улыбкой, как мне показалось, даже с тоской — свои драматургические произведения. Ваша пьеса «Мотке Голанд» была поставлена еще в 1935 г. в Рижском еврейском театре, а также в Вильнюсе и Каунасе. Ваш сценический вариант «Блуждающих звезд» Шолом-Алейхема⁹ увидели зрители Варшавы, Буэнос-Айреса, Парижа. Кажется, это было только вчера, когда в Риге шла ваша инсценировка романа Менделе

Мойхер-Сфорима¹⁰ «Путешествие Вениамина Третьего». Книги классиков еврейской литературы, как родник реку, питали ваше писательское воображение, наполняли душу сладкой болью, рождали смех, чаще всего — сквозь слезы...

Ваши герои похожи и не похожи на шолом-алейхемовские — время создает образ. Тридцать три несчастья, постоянно преследующие героев Менделе, на первый взгляд, канули в Лету вместе с чертой оседлости, местечковой нищетой, бесправием и другими царскими «милостями» по отношению к евреям, но, очевидно, есть вещи, неподвластные времени: национальный характер со всеми его особенностями, достоинствами и недостатками. Национальный характер не меняется за десять, двадцать, даже сто лет — то, что входит в человека на протяжении веков, тысячелетий, становится его кровью, его образом мышления, традицией, сутью, и Вы как тонкий и наблюдательный знаток человеческих отношений не открываете или не столько открываете, сколько подчеркиваете — метким словом, мудрым намеком, кивком головы — извечные человеческие — а оно в полутонах, оно многозначно, и тут никак не подходят одна или две краски — черная и белая. Ваши герои немногословны, их «разоблачает» поступок, деталь, штрих, но искусство без этого не существует. Ваши герои мудры, как старость, и бессмертны, как юность. Вы не читаете нравоучений, а как подлинный мастер предоставляете читателю возможность заглянуть в собственную душу, поискать в ней то, что есть, а не то, что кажется, что есть...

Чем же мне закончить письмо к Вам, дорогой Марк Абрамович? Извините меня, но я опять-таки воспользуюсь Вашими словами. Предварю их одним уточнением: я ничего не сказал о двух, на мой взгляд, главных качествах Вашего мироощущения, Вашего творчества — скромности и великолепном чувстве юмора. Я сейчас приведу один случай — он произошел на юбилей, когда Вы, выслушав все хвалебные слова в Ваш адрес, так ответили на них в своем благодарственном слове:

— Чтобы не попасть под бичующий гетевский афоризм «скромными бывают только негодяи», мне придется в некоторой степени все же принять на свой счет услышанные в мой адрес добрые и лестные слова... Что поделаешь — иной раз мы любим перегибать палку и приписываем человеку и то, что ему вовсе не свойственно. Я думаю, что в таких случаях лучше не догнуть, чем перегнуть... Не все, кто устает царских почестей, — божество. Люди же — слабы, и порою ранг бога готово принять на себя ничтожество. Невольно приходит на память афоризм Тувима: если кто-то говорит от имени бога, то он должен предьявить верительные грамоты...

— Конечно, — продолжали Вы, — слава — вещь щекотливая, но если бы меня спросили, что я ставлю выше славы, то я ответил бы: работу, труд...

— Правда, мой парикмахер, — улыбнулись Вы, Марк Абрамович, — придерживается в отношении меня и моего труда другого мнения. Когда я сажусь к нему в кресло, он не преминет напомнить мне: «Уважаемый *хавер*¹¹ Разумный, — говорит он, тяжело вздыхая, — если я кому-то когда-то в чем-то завидовал, то это только лично вам, писателям. У вас легкая жизнь! Ну что у вас за работа — только и делаете, что пишете...»

И в самом деле, дорогой Марк Абрамович, ну что Вам стоит — пишите! пишите! До ста двадцати, как говорят в народе.

С искренним уважением и самыми лучшими пожеланиями —

Л. Коваль. 24 сентября 1986 г. Рига.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Марка Разумного из заключения¹²

31 января 1955 г.

Любимые мои!

Сегодня я второй день на новом месте. Нынешний мой адрес: Иркутская обл., Чунский р-он, п/о Сосновка, п/я 90/2—046. Один адрес для писем, посылок и всех отправлений. Я еще, конечно, не освоился, но новое место мне нравится — конечно, со скидкой на лагерь, я все же, что вполне естественно, не могу забыть ни на минуту, что я не гражданин, а заключенный, и это причиняет мне нестерпимую боль. Но, помимо этого, здесь неплохо. Сегодня я в ларьке купил мой любимый напиток — какао — и химический карандаш, что меня приятно поразило, потому что до сих пор химические карандаши были строго запрещены, так что и в этом нам облегчение. Но не только в этом одном — нашу жизнь немного облегчили, и мы даже ждем главного облегчения — освобождения, которое также, возможно, не за горами. Прошу все же поддержать меня посылками по-старому. Денег переводом не посылайте, а в посылку можно вложить немного карманных денег. Расстаться с прежним местом заключения было довольно тяжело, потому что я уже привык к нему, прожил я там без малого два года восемь месяцев, а человек ведь животное приспособляющееся. Но и здесь, как я уже сказал, неплохо. Пока я не работаю, читаю, гуляю, зона наша хорошо расположена и производит скорее впечатление поселка, чем места заключения. Будем надеяться, что оно уже будет последним этапом моим до освобождения и возвращения к вам, моим единственным и дорогим. Пишите, пишите, чтобы наша связь не прерывалась, а тог уже наступил довольно продолжительный перерыв — последнее ваше письмо получено было мной 20-го числа, а когда я теперь получу? Ведь [ожидание] продолжится, пока перешлют, а [в] последнее время вы меня избаловали, и я уже привык регулярно получать от вас письма, так что мне тяжело будет долго пробыть без весточки от вас, но надеюсь все же дожидаться хороших вестей. Но я столько говорил о себе, что позабыл спрашивать о вас, как здоровье, настроение, времяпрепровождение? Кто у вас бывает, у кого вы бываете? Что читаете, ходите ли в театр, кино? Хотя вы мне пишите о себе, я в курсе дела, но все это мне кажется недостаточным. О впечатлении, произведенным на меня Изей в окружении его детского сада, я уже писал. А как Бетинька? Довольна своим братом? Почему Эльмира, моя хорошая информаторша, перестала писать? Ведь последнее ее письмо, полученное мной, датировано 25-м декабря, неужели за столько времени ничего нового не случилось, о чем бы проинформировать нетерпеливого отца? Я понимаю, у нее немало хозяйственных забот, но все же я ведь отношусь к этому хозяйству. Ведь Ася, имеющая также свое хозяйство, «свой кабинет и всеобщее уважение» (по словам Эльмиры и моему глубокому убеждению, потому что она это заслуживает), никогда не пропускает случая, чтоб приписать к письму мамы и от себя. И даже Сева, «честно работающий у станка», как мама пишет (в чем я также не сомневаюсь), даже он всегда приписывает пару теплых слов. Только в последний раз он пропустил. Пишите мне также, как поживают семьи Иоффе и Иофис, а также как Эстер Розенбаум. Очень хочу знать о них. Из Канска еще письма не получил, перед отъездом написал им еще письмо, хочу ведь знать впечатления Миши о поездке в Ригу. Да, в посылку прошу вложить несколько открыток, очень важны мне белые сухари (для желудка) и натуральный кофе. Также прошу шпроты в масле, концентрат гороховый суп, кисель, сгущенное молоко, немного денег, как я уже просил. Пиши мне также, где играют теперь Юлин, Эйнес, есть ли для них сцена? Что делает Родинов? Слышите ли что-нибудь об Аркадии, как его мама, Фанечка, Ленья? Как сестры Аркадия? Если можешь, передай всем привет. Передай также привет всем друзьям и знакомым, но самый большой привет вам — обнимаю вас всех крепко и целую тысячу раз, хочу, чтоб это почувствовали и ни на минуту не забыли бы, что вас всех любит

ваш муж, отец, дедушка Марк Разумный.

Любезная и дорогая женушка!

Думаю, что к 6-му ты уже будешь иметь мое поздравительное письмо, которое я (не как всегда) выслал своевременно. Прибавляю к моему письму еще много сердечных пожеланий — даже таких, о которых не пишу. Высланные тобой 50 руб. я на днях получил. Спасибо, но с другой стороны,

Марк Разумный с женой Деборой

мне этот подарок принес некоторое огорчение, ведь у вас же материальное положение довольно стесненное, расходы по дому, как понимаю, большие — зачем лишать себя и детей лишнего (а возможно, и не лишнего) куска? Я же здесь не голодаю, хотя, между нами говоря, не мешает от поры до времени зайти в нашу коммерческую столовую (довольно чистую) и съесть котлету или рагу, или какое-нибудь другое отлично приготовленное мясное блюдо. Это придает бодрость и надежду, что будешь еще когда-нибудь человеком среди людей. Особенно хорошо заходить туда вечером, после работы,

отдохнуть телом и душой. Но это мне не всегда удается — вчера, например, я так изнурен был работой, что должен был побежать прямо к врачу, которая, увидев, в каком я состоянии, дала мне на сегодняшний день отдых. Вот каковы мои дела! Когда освобожусь в следующий раз, я думаю опять написать заявление. Как видишь, я уже вошел во вкус — трудно только начало, а теперь уже хочется писать еще, тем более что я убедился и на примере прошлого заявления, и на примере моей новгородной сцены, что писать я еще не разучился. Теперь я хочу еще подробнее остановиться на методах, которыми у меня «выжали» мои показания. Главным «номером» их была угроза, что они расправятся с моей семьей, и на каждом допросе на меня воздействовали страшными угрозами репрессий по отношению к тебе, к детям, к Мише и даже к его родным: «Если, мол, вы не будете говорить, с ними будет поступлено так-то». На меня страшно действовали эти угрозы, я их принял настолько серьезно, что, когда в коридоре тюрьмы слышался стук женских каблучков, мне казалось, что я узнаю шаги то твои, то Эльмирины, то Асины — и можете себе представить мое состояние при этом. И неудивительно, что для того, чтоб положить раз [и] навсегда конец этой пытке, я начал выдумывать и говорить. Теперь же я знаю, что это был испытанный метод, он был применен по отношению ко многим. Так вот, я и об этом хочу написать, поможет или нет — не знаю, но хочу, чтобы это попало в руки людей, стоящих во главе нашего правительства. Письмо Траубина (я уже писал тебе, но повторяю на случай неполучения тобой того письма) меня растрогало. Поблаговари его и передай сердечный мой привет. Почему другие — Ио, Мирлин — не пишут? Как они живут? Видела ли Иофиса? Кто еще вернулся? Да, вышли мне, пожалуйста, комедию Гоголя «Игроки», я хочу это поставить с моей самостоятельностью и сам буду играть там. Может, Миша Ио даст мне некоторые указания для постановки? А если Юлин не очень занят, попроси у него. Будь здорова, будь бодрой и веселись, как тебе желает от сердца твой друг Марк.

Дорогая моя жenuшка!

Надеюсь, что Ася «будет так любезна» и передаст тебе это письмецо, которое не является ответом на твое письмо от 29 июня, потому что на него я уже ответил. В этом письме я хочу сообщить тебе, что, если ты и дочери наши хотят получить от меня личный привет (в чем я не сомневаюсь), вы можете его получить. Дело в том, что вчера освободился и выехал в Ригу бывший министр и депутат латвийского Сейма Лоренц. Я был с ним вместе уже больше трех лет, он меня хорошо знает и сможет рассказать вам много обо мне. Адрес его: ул. Горького (бывш. Валдемара), № 67, кв. 6. (Это в двух шагах от Эльмиры.) Думаю, что в конце сего месяца он уже будет дома, так что можете надеяться к нему, получите привет, еще «теплый». Эльмира и Ася мне пишут, что ты работой довольна, твое письмо также бодрое — я рад, если это так и ты не особенно переутомляешься. Я тебе даже немного завидую, что нашла работу — а мне, бездельнику, жизнь надоела, не знаю, куда деться, и чувствую себя очень плохо в связи с этим. Теперь только я вижу, какая это необходимая вещь для человека — работа! Мне кажется, если бы я работал — я бы и физически чувствовал себя лучше, не бы-

ло бы этих противных колик, не было бы этой гадкой тошноты и не было бы других неприятных, тревожных явлений. Меня только утешает надежда на то, что, возможно, вскоре настанет перемена в моей судьбе, так что я только стремлюсь к тому, чтоб «дни днями очищались», если б не было этих видов — было бы неважно. Пока я здесь, в скором времени не предвидится переезда, пишите мне на этот адрес, но только по авиа, чтобы я скорее получил. А когда вышлите посылку, прошу вложить туда кое-что, чтоб «привязать сердце», например селедку в консервном масле (но без костей и мелкими кусками нарезанную), кильки. Прошу также прислать мне чай (варенье у меня уже есть, так что буду наслаждаться). Если можно, также мятные капли и побольше сухарей, так как черный хлеб я с трудом перевариваю. И деньги вложите в концентрат. Ну, дорогая, будь здорова, работай по силам и отдыхай. Пиши о своей жизни. Сердечный привет Эльмире, Мише, целую Изю и Бетиньку.

Твой Марк.

6 декабря 1955 г.

Дорогой друг Дора!

На днях написал письмо — тебе и Асе, но я этим посланием очень недоволен. Особенно тем, что писал тебе. Не знаю уже подробно, чем, или не договорил там, или же говорил слишком много, но у меня с ним какое-то неудовлетворение, а я привык после каждого письма к вам чувствовать себя хорошо — ведь это же разговор с вами, и что мне может быть дороже такого разговора? Посылаю настоящим копию заявления Генеральному прокурору, которое отправляю сегодня же. Повторяю: я особенно больших надежд на это не возлагаю, освобождения и реабилитации жду тогда, когда весь вопрос о еврейских писателях будет разрешен в целом, но так как ты просишь об этом... Пиши мне свое мнение об этом заявлении. Что у вас слышно? Давно уже не имел от вас писем и начинаю уже ждать с нетерпением. Несколько дней уже у нас стоят крепкие морозы — я пишу смерзши-мися пальцами. Хотя я уже сибирский старожил, но все-таки мерзляк, а в этом году мне еще холоднее, чем в предыдущие: во-первых, потому что не работаю (в предыдущие годы я стоял и пилил по восемь часов в более крепкие морозы); во-вторых, потому что я не так тепло одет, как в прошлые зимы; в-третьих, потому что вообще стал старше, и каждый прошедший день тщетного ожидания и потерянных надежд ледяной глыбой ложится на согбенные плечи. Ну, будь что будет! Больше всего меня беспокоит то, что зрение ухудшается, читать не могу больше чем полчаса — глаза начинают болеть, а мне говорили, что это от очков, очки мои уже плохо помогают. Поэтому я прошу в следующую посылку вложить очки +2,5. Постарайся достать, этим спасешь мое зрение, я же хочу еще видеть вас и вообще видеть мир, который столько лет скрыл от меня свои красоты. Прошу также прислать мне пару свечей, алюминиевую столовую ложку, карманную расческу и из пищевых продуктов белый твердый сыр с тмином, чай и какао в порошке (кубиков больше не присылай, они стали невкусные). Опять я с моими заказами! Ну что ты будешь делать, когда уже привык вести паразитический образ жизни и иметь таких дорогих людей, которые исполняют все твои капризы, хоть ты этого, возможно, и не заслуживаешь. За это и за все в общем целует тебя твой Марк. Целую также детей и внуков и горячо приветствую всех друзей.

Гражданину Генеральному прокурору Союза ССР
от з/к Разумного Мовши Абрамовича, рожд. 1896 г.,
осужд. Особым совещанием по ст. 58^{1а} сроком на 10
л., к. ср. 28.Ш.60 г. (№ личн. дела Ф 218), нах. Иркут-
ская обл., Чунский р-н, п/о Сосновка, п/я 90/2—246.

З а я в л е н и е

В октябре 1953 г. мной отправлено на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР заявление по моему делу, а в январе 1954 г. я получил стереотипное уведомление о том, что заявление мое передано в Главную военную прокуратуру, там рассматривается и о результате будет мне сообщено. Тщетно прождав почти два года и не дождавшись обещанных результатов, я решил сно-ва напомнить о себе и об обстоятельствах моего дела.

Я являюсь одной из многочисленных жертв жестокой бериевской расправы с еврейской интеллигенцией. 28 марта 1950 г. я был оторван от моих мирных занятий (я профессиональный литератор, член Союза советских писателей, последнее время работал также корректором) и водворен в рижскую Внутреннюю тюрьму МГБ по обвинению в шпионаже. Излишне распространяться о том, насколько этот арест потряс меня и в какую мрачную пропасть (и фигурально, и буквально) он меня вверг: ведь я всю жизнь больше всего на свете боялся каких бы то ни было столкновений с «властью имущими», я сроду не испытал позора тюрьмы, даже самая беглая мысль о ней меня бросала в дрожь — и вдруг я очутился в этой бездне. Где эти самые «власть имущие» всякими дьявольскими приемами принимались действовать на меня, чтоб выжимать «признания» в приписываемых мне неслыханных деяниях. А Вам ведь известно, что методы следствия, введенные бериями-рюмиными, действительно были дьявольские. Запугивания, побои, издевательства, повседнежное — вернее, повсеношное — терроризирование. Неудивительно поэтому, что, очутившись среди колес этой сатанинской машины, я был раздавлен, моя нервная система не выдержала, и в состоянии умопомрачения я стал возводить на себя поклепы и сочинил головокружительный роман о моих «шпионских похождениях», фантастическое повествование, которое мой следователь добросовестно зафиксировал, несмотря на всю очевидную «туфту» его.

И вот так, под знаком вымышленных «самообличений» прошел первый период моего ареста, период крайней психологической удрученности и вызванной ею противоположности — какого-то бредового оживления (предоставим психиатрии разобраться в подобных переживаниях). Но когда это первоначальное смятение чувств миновало и я вернулся в более или менее нормальное состояние, я пришел в ужас от данных мной «показаний» и в припадке отчаяния даже попытался покончить с собой, но в последнюю минуту был, к сожалению, спасен. Говорю «к сожалению», ибо в ту пору смерть была бы для меня счастьем и желанным избавлением от мучений, нравственных и физических.

Но если уйти от опостылевшей жизни мне не удалось, зато эта встряска излечила меня от моей временной слабости и придала мне уже на весь последующий период следствия силы и стойкости не отступать от истины, категорически отрицать все данные вначале показания, настойчиво требовать внесения в протоколы оговорок, что все они даны были в состоянии умопомрачения, и с того времени началась моя борьба со следственными органами, неравная, но упорная борьба, длившаяся более пяти месяцев, в течение которых следователям моим, несмотря ни на какие ухищрения, не удалось добиться от меня подтверждения моих прежних «признаний», столь выгодных обвинению. Но, несмотря на это, мое неимоверно разбухшее дело, многие страницы которого послужили бы скорее материалом для психологического романа в духе Достоевского, чем деловыми актами для подлинного судебного процесса, — все же было послано на суд Особого совещания, которое и приговорило меня к десяти годам заключения в ИТЛ.

В мае 1951 г. я, после долгих скитаний по пересылкам, прибыл в Тайшет, откуда был отправлен в л/и 020; через тринадцать месяцев — на л/и 051, а через 32 месяца — на л/и 246, где нахожусь уже одиннадцатый месяц. Бесперывно занимаясь все эти годы непривычным для меня физическим трудом, я окончательно подорвал свое здоровье и сюда прибыл уже неработоспособным инвалидом. Но помимо потери здоровья и сил, я все время заключения терпел и терплю неимоверные нравственные муки, унижение человеческого достоинства, незаслуженные национальные оскорбления, попрание элементарных прав. Скоро исполнится шесть лет, как я оторван от порядочного человеческого общества, от горячо любимой семьи, от литературной работы. И за что? Ведь давно уже разоблачено, в чьих интересах бериевская клика разжигала ненависть, сея рознь среди советских людей, оклеветала и преследовала честных граждан. Ведь немало времени прошло с тех пор, как раскрыты были злые козни врагов народа, пробившихся к власти, они уже понесли соответствующее наказание, многие из их жертв, к счастью, уже освобождены, очищены от позора и восстановлены в правах (между прочим, также покойный народный артист СССР Михоэлс, первая жертва этой гнусной кампании). Кроме того, прошу еще учесть, что я осужден Особым совещанием, учреждением, ныне ликвидированным, что также должно послужить достаточным основанием для пересмотра моего дела.

Ввиду всего вышесказанного прошу Вас, гражданин Генеральный прокурор, уделить должное внимание моему делу, реабилитировать меня и тем положить предел моим долголетним мытарствам. Дайте мне возможность после этих тяжелых годов вернуться полноправным гражданином в общество честных людей, проводить надвигающуюся старость в лоне семьи и опять заниматься литературной деятельностью, которой я хочу посвятить остаток моей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Разумный Марк (Мовша) Абрамович (1896—1988) — писатель, поэт, драматург. Родился в местечке Жагоры Ковенской губернии (ныне Жагаре в Литве); в детстве получил традиционное еврейское воспитание, окончил гимназию в Риге. В 1919—1921 гг. жил в Германии, по возвращении в Ригу был сотрудником издававшихся на идише газет «Дос Фолк» («Народ», 1922—1927) и «Фриморгн» («Утренняя», 1926—1934), в 1937—1938 гг. — редактором журнала «Идише билдер» («Еврейские картинки»); публиковался также в других еврейских, русских, немецких и латышских изданиях. Переводил на идиш произведения русских, латышских, немецких и английских писателей (Н. Гарин, А. Свирский, Я. Райнис, Л. Фейхтвангер, Э. М. Ремарк и др.). Его пьесы «Доктор Герман Меерович», «Мотка Хабад» и инсценировки произведений Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема в 30-е годы ставились на сценах еврейских театров Латвии и других стран. В 1946—1948 гг. — корреспондент газеты «Эйникайт» (см. прим. 6) в Риге. В 1950 г. репрессирован сталинским режимом, в 1956 г. реабилитирован. К активной творческой деятельности вернулся в начале 60-х гг., печатался в журнале «Советиш Геймланд» («Советская Родина»). Произведения опубликованы в сборниках «Чтобы сердце не болело» (1963), «Золотой голубь» (1975), «Шире шаг» (1975, на идише), «И осенью цветут деревья» (1980), «Разговор с портретом» (1981), «Мир полон чудес» (1989, на нем. яз.; посмертно). — *Ред.*
- ² Перевод с идиша автора статьи. — *Ред.*
- ³ Метрика (*польск.*) — свидетельство о рождении, составленное на основании соответствующей записи в метрической книге. — *Ред.*
- ⁴ Иегошуа Бен-Сира (в русской традиции — Иисус, сын Сирахов) — еврейский мудрец, живший в III—II вв. до н.э.; автор книги «Премудрость Иегошуа Бен-Сиры», представляющей собой выдающееся произведение религиозно-дидактической литературы. Не включена в канон еврейской Библии, но входит в христианскую Библию на правах второканонической книги (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова). — *Ред.*
- ⁵ Иммануил Римский (Эммануэль бен Шломо) (ок. 1265 — ок. 1330) — еврейский поэт и комментатор Библии; приобрел познания в философии и итальянской литературе, а также в медицине. Автор эротических любовных песен, сатир, коротких повествований, изложенных рифмованной прозой, эпиграмм, пародий, религиозных поэм и размышлений. — *Ред.*
- ⁶ «Эйникайт» («Единение») — газета Еврейского антифашистского комитета на идише; выходила с 6 июля 1942 г. (Куйбышев, ныне Самара) по 20 ноября 1948 г. (Москва). — *Ред.*
- ⁷ Тувим Юлиан (1894—1953) — польский поэт. Родился в еврейской семье. Печатался с 1913 г. Автор ряда поэтических сборников, популярных стихов для детей, книг по истории нравов и обычаев, языка и литературы Польши. В годы Второй мировой войны в эмиграции, вел активную антифашистскую деятельность. Переводчик русской литературы на польский язык. — *Ред.*
- ⁸ *Эренбург И.* Люди. Годы. Жизнь. М., 1963. С. 53—54.
- ⁹ Шолом-Алейхем (наст. имя и фам. Шолом Рабинович) (1859—1916) — еврейский писатель. Родился и жил в России, с 1914 года — в США. Писал преимущественно на идише, а также на иврите и русском. Создатель галерей ярких национальных типов. Для произведений характерны юмор и лиризм, точные бытовые детали, ярко выраженная демократическая позиция. Романы «Сендер Бланк и его семейка» (1887), «Иоселе-Соловей» (1889), «Потоп» (1906), «Блуждающие звезды» (1909—1911), «Кровавая шутка» (1913), повесть «Мальчик Мотл» (1907—1916), циклы новелл «Менахем Мендл» (1892) «Тевье-молочник» (1894—1914) и др. — *Ред.*
- ¹⁰ Менделе Мойхер-Сфорим (наст. имя Шолом Яков Бройде, по паспорту Абрамович) (1835/36—1917) — еврейский писатель, основоположник новой еврейской классической литературы (писал на идише и иврите). В сатирической пьесе «Такса» (идиш *таксе* — коробочный сбор), повестях «Кляча», «Путешествие Вениамина Третьего», социальных романах «Шлойме реб Хаим» создал широкую картину жизни еврейского народа в России. — *Ред.*
- ¹¹ Товарищ (*идиш*).
- ¹² Материалы из персонального архива автора статьи. — *Ред.*